

✦ Классическое наследие

UDC 101.3

DOI: 1606-951X.2014.2.2028

ДЖОРДЖ ГЕРБЕРТ МИД

ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ТЕОРИИ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН * **

Аннотация: В этой статье Мид очерчивает предметные области философских дисциплин: метафизики, психологии, дедуктивной и индуктивной логики, этики, эстетики и общей теории логики. Разграничение между ними проводится на основе прагматистского понимания акта и заключенного в нем процесса решения проблем.

Abstract: In this paper Mead delineates the subject matters of such philosophical disciplines as metaphysics, psychology, deductive and inductive logics, ethics, aesthetics and the general theory of logic. This delineation is based on pragmatist conception of act and process of resolving problems within it.

Ключевые слова: опыт, деятельность, проблема, сознание, объект, психическое, гипотеза.

Keywords: experience, activity, problem, consciousness, object, the psychic, hypothesis.

В «Psychological Review» (см. прим. 1) профессор Дьюи, обсуждая рефлекторную дугу, утверждает, что ощущение всегда появляется в сознании как проблема, что внимание не может быть сосредоточено на так называемом элементе сознания до тех пор, пока индивид не абстрагируется от прежнего значения объекта и, пытаясь достичь нового значения, не зафиксирует эту черту прежнего объекта как проблему, подлежащую разрешению. Для этого привлекается избитый пример с ребенком и свечой. Тот раньше обжег себе пальцы при обращении с движущимся светящимся объектом, и он играл со светящимися объектами. Далее есть по крайней мере две тенденции к действию: тенденция отдернуть руку от обжигающего объекта и тенденция протянуть руку к игрушке.

В конфликте между двумя этими тенденциями ярко-жёлтое танцующее нечто освобождается от своего объективного значения в прежнем опыте ребенка, и тот пытается узнать, что это. Когда оно лишается таким образом своей объективной ценности, когда оно перестает быть стимулом к действию, оно может стать ощущением. Но при познании его реальной природы оно перестает быть явленным в этой форме сознания. Оно больше не может быть ощущением, пока снова не станет центром проблемного эпизода в опыте. Возможно, я вывел доктрину мистера Дьюи за рамки

* Перевод сделан по источнику: Mead G.H. Suggestions Toward a Theory of the Philosophical Disciplines // *The Philosophical Review*. 1900. Vol. IX. N 1. P. 1-17.

** Перевод публикуется в редакции переводчика.

ее изложения в статье о рефлекторной дуге, но, мне кажется, моя формулировка представляет то, с чем он бы согласился. По крайней мере, с той точки зрения, которую он принимает, такая формулировка возможна, и, допуская ее в целях обсуждения, я хочу показать, какое значение она может иметь для разных философских дисциплин.

Мы исходим здесь из того, что всякая аналитическая мысль начинается с наличия проблем и конфликта между разными линиями деятельности. Также мы допускаем, что она всегда продолжает быть выражением такого конфликта и решения затронутых проблем, что всякая рефлексивная мысль вырастает из реальных проблем, присутствующих в непосредственном опыте, и занята всецело решением этих проблем или попыткой их решения, что это решение, в конечном счете, состоит в возможности продолжения остановленной деятельности в новом или старом русле, когда такая рефлексивная мысль растворится в существе дела. Я не буду пытаться доказать истинность этого, а просто попытаюсь понять, куда в рамках таким образом установленного рефлексивного процесса попадают метафизика, психология, дедуктивная и индуктивная логика (я говорю здесь о процедурах этих наук, а не об их общих теориях), этика, эстетика и общая теория логики.

Порядок дисциплин, указанный выше, предполагает диалектику внутри акта, которую я хочу сразу же поведать. Метафизику я хочу отождествить с постановкой проблемы. Она может принять психологическую форму или не принять ее. Если результат признания проблемы ограничивается доведением до сознания значения объекта в терминах прошлого опыта, то мы получаем универсалию — или идеал, — и использование таким образом определенного объекта может быть систематизировано способом, который описывается в дедуктивной логике. Если, напротив, мы отбрасываем старые универсалии — интерпретации, заключенные в объектах, какими мы их сконструировали, — и откровенно смотрим вперед в поисках нового значения, то непосредственный опыт может претендовать лишь на субъективную достоверность, и мы имеем предмет, которым занимается психология. Использование этого материала для достижения новой универсалии — явно процедура индуктивной логики. Применение любого из этих методов к поведению в целом, в их связи с идеалом или с более широким Я, которого необходимо достичь, выполняет функцию этики, а эстетика имеет дело с художественной репрезентацией объекта либо как идеального, либо как фазы в процессе развития. И, наконец, общая теория разумного акта в целом попадает в область логики, как она трактуется, например, в трудах Гегеля.

Там, где наша осознанная деятельность оказывается неспособной перейти в объективный мир по причине столкновения между разными тенденциями к действию, нас отбрасывает к анализу этих спонтанных актов и, следовательно, к объектам, черпающим из них свое содержание. Я хотел бы подчеркнуть это последнее допущение, полностью согласующееся с некоторыми лучшими образцами психологического анализа нашего времени. Иными словами, речь идет о телеологической природе понятия, и здесь мы находим подтверждение того, что значение объекта полностью производно от нашей реакции на него, или, иначе говоря, от того, как мы им пользуемся (см. прим. 2).

Казалось бы, из этого признания природы известного объекта следует, что конфликт двух одновременных использований или реакций должен неизбежно вести к анализу самих деятельностей, если не произошло полного отказа от действия. Одна-

ко сначала это не будет анализ деятельности как психического состояния. Вопрос будет в том, какова реальная природа объекта. Случай сомнений по поводу идентичности только что встреченного человека, представляющий конфликтующие тенденции поприветствовать его как знакомого или отнести к нему как к просто прохожему, не преподносит нам сразу его форму с ее цветом и другими качествами как ряд ощущений, хотя это неявно подразумевается. Мы принимаемся изучать объект, в итоге, возможно, определяя его как того, с кем мы раньше не встречались, но кто сильно похож на одного из наших знакомых. Это предполагает доведение до сознания идеи друга, его формы и черт, жестов и манеры держаться, тогда как более или менее безуспешная попытка заставить этот образ слиться с представшей нам формой имеет тенденцию подчеркивать точки контраста, т.е. формировать другой образ, неспособный представить находящийся перед нами объект удовлетворительно.

Пока мы не ставим под вопрос объективную надежность любой из наших ментальных картин друга или даже реальность впечатления о человеке, в присутствии которого мы находимся, склонность восходить к субъективному характеру состояния сознания невелика. Кроме того, если вызываемый образ репрезентирует фиксированные привычки, особенно те, которые несут в себе артикулированную моральную санкцию, то мы можем утверждать реальность этих идей в противовес представляющему нам видимому противоречию. Такие случаи обнаруживаются в нашей жизни довольно часто. Каждый вопрос о целесообразности обыкновенно приводит к такому результату. Моральная линия поведения стала идентифицироваться с некоторыми объектами.

Например, закрепленное некогда право пользоваться тем, что называют собственностью, право тратить ее на роскошь, в то время как другие, возможно, голодают, вызывает, когда почувствуется проблема, прежде всего идею собственности как таковой, как она представлена во всех жизненных деловых транзакциях. Она может утверждаться невзирая на противоречие между ней и тенденцией требовать помощи страждущим. Наличие таких конфликтов между привычными интерпретациями значения жизненных благ и линиями поведения, противоположными по отношению к ним, ведет большинство нас к осознанной формулировке морального кодекса в более или менее абстрактных терминах. Если мы способны придерживаться довольно последовательно такого кодекса и игнорировать сохраняющиеся несмотря ни на что противоречия, то мы еще не дошли до сути метафизики.

Метафизическая ситуация предполагает, что проблема сохраняется и не может быть проигнорирована. Чтобы утверждать реальность идеи, т.е. значения объекта, в терминах прошлого опыта — нашего собственного или опыта сообщества, — мы должны отказать некоторым элементам опыта, также интерпретируемым в терминах прошлой активности, в подобной реальности. Теологическая догма, например, может утверждать реальность нашего телеологического толкования опыта и в то же время отказывать в реальности механической интерпретации, которую предлагают физические науки. Или — в том типе метафизического мышления, который мы находим у Платона, — реальность идеи может утверждаться ценой реальности всего нашего чувственного опыта.

Метафизика, стало быть, есть постановка существенной проблемы в постоянной форме, в терминах реальности идеи или системы идей и нереальности того, что с ними конфликтует. Решение проблемы несет с собой исчезновение проблемы и од-

новременно метафизической системы. Концепция имманентного божества, делающая возможной, например, гармонизацию телеологического и механического толкований природы, на данный момент решает эту проблему и изгоняет метафизического *deus ex machina* из системы мышления. Конечно, это изменение не будет непременно влиять на другие метафизические элементы теологии. Но в случае, если оно принято, какие-то особые промышленности перестают быть необходимыми для объяснения происходящего.

Наша современная телеологическая психология, находящая единство объекта и мира в нашей собственной деятельности, снимает конфликт между одним и многим, лежащий в основе проблемы, над которой бился Платон. Психологическая интерпретация опыта делает возможным утверждение как реальности одного, так и реальности множества элементов, вместе образующих объект, и тем самым лишает метафизическую систему ее *raison d'être*.

Присутствие такой идеи, чья реальность поддерживается в противовес конфликтующим элементам в опыте, требует, чтобы мы строго различали в опыте то, что реально, и то, что можно проигнорировать или отвергнуть. Мы должны быть способными применить идею, и главенство идеи не может не довести до сознания метод, с помощью которого это должно быть сделано. Дедуктивное рассуждение есть не что иное как организация собственного мира на основе некоторых идей, предполагающая, что мы либо отвергаем существование того, что не согласуется с ними, либо игнорируем. Но когда техника сделана таким образом осознанной, мы можем использовать ее как подмогу в применении универсалий, необязательно метафизических. Таким образом, хотя дедуктивная логика возвысилась как органон метафизической системы и служила отграничению реального от нереального, она становится общим органом, который имеет универсальную применимость и служит отграничению не реального от нереального, а известного от того, что в данный момент (и только) подлежит игнорированию.

Следующая ступень в диалектике рефлексивного сознания находится в сознательном решении проблем, регистрируемых и систематизируемых в метафизике. Успешное решение подразумевает признание реальности всех элементов, которые входят в опыт. Далее, такая реальность предполагает, с точки зрения логики, что все элементы будут подпадать под обладающие признанной надежностью универсалии; ибо все наше знание осуществляется и должно осуществляться через универсалии. С точки зрения психологии она предполагает, что концепты объекта, репрезентирующие ценности прошлых реакций, хотя и не находятся теперь в конфликте, будут гармонизированы так, что ценности каждой из реакций смогут проявиться в новом понятии, и каждый тип реакции будет представлен в новой деятельности. Например, для того чтобы решить проблему, предполагаемую в метафизической по сути субстанции неуловимого эфира, элементы, предполагаемые в энергии массы (которые должны проявляться в любых средах, как они определены физикой, но которым отказано в неуловимом эфире) и в энергии колебания, должны получить универсальную достоверность, или, иначе говоря — и полагая, что теория энергии может эту проблему решить, — новый метод толкования всех физических феноменов, новая реакция, вбирающая в себя всё, что истинно во всех наших процессах физического измерения и определения, должны занять место тех, которые в данном случае вошли в конфликт. Если этот конфликт не просто ошибка и если он неизбежен в известном нам мире, то

его можно преодолеть лишь путем появления новой универсалии, или новой привычной реакции.

Во-вторых, решения метафизически поставленной проблемы можно достичь, только признав, по крайней мере временно, неадекватность старой универсалии и, тем самым, отсутствие в ней объективной достоверности и выдвинув взамен новую универсалию, чья объективная достоверность еще не может быть признана, в надежде на то, что таким образом на месте старого вырастет новый известный мир. Это касается, конечно, только осознанного решения проблемы. В истории человеческого общества возникло несметное множество неизбежных проблем, которые находили решение в постепенном появлении новых концепций и адаптации старых методов действия; таким образом, они становились равны ситуациям, в которых сначала существовал неукротимый конфликт. Решение, о котором мы здесь говорим, не есть это неосознанное изменение, благодаря которому одно поколение отличается от следующего при отсутствии всякого исторического смысла в этом различии и какого-либо предвосхищения дальнейшего фундаментального изменения. Именно сознание изменения является существенным шагом в диалектике рефлексивного сознания.

Кроме того, как метафизическая ситуация дала технику постановки проблемы с вытекающими отсюда неопределимыми преимуществами, так и сознание процесса, за счет которого мы переходим от старой универсалии к новой, несет с собой ускорение, всегда сопутствующее добавлению рефлексии к любой инстинктивной деятельности.

Как было отмечено выше, необходимым результатом сознательного продвижения к решению неизбежной проблемы в человеческом опыте будет принятие позиции посередине между старыми универсалиями, достоверность которых отброшена, и новой универсалией, которая пока еще не появилась. И этот результат неявно воздействует на весь мир знания; ибо этот мир есть органическое целое, в котором ни одну необходимую часть нельзя изменить, не затронув все остальное. Следовательно, принятие установки на решение необходимой проблемы означает готовность сделать недействительным весь собственный знаемый мир.

Я охотно признаю, что даже в эпоху осознанного прогресса такая установка не принимается эксплицитно очень многими, даже если они подступают к проблемам в научном духе, что они не только делают множество оговорок, в рамках которых не ожидают достижения научного исследования, но и не осознают свой знаемый мир как органическое целое, которое нельзя изменить в существенных частях без изменения его *in toto*. Однако в пределах той области, в которой они применяют научный метод, они готовы проводить картезианскую чистку всей объективной реальности, и, приняв этот метод, они не могут постоянно колебаться в продолжении его применения из-за осознания того, что эта область воздействует на целое.

В-третьих, в присутствии конфликта мы выходим на универсалии, являющиеся результатом абстракции от непосредственных конфликтующих элементов. Перед ребенком было то, что не является ни обжегшим объектом, ни игрушкой. Это нечто, скрытое за тем и другим и верное для каждого, — светящийся движущийся объект, скажем так. Он несет с собой некоторое количество реальности каждого. Соответственно, он объективно достоверен.

Здесь может утверждать себя простейшая метафизическая установка, как это было у древнегреческих мыслителей. Это нечто, из чего то и другое или все вытекает, если

только маленький ребенок сможет стать метафизиком (а в раннем детстве есть период, когда ребенок подчеркнуто таков и пребывает в поиске чистого бытия). Но если он хочет узнать, не из чего оба вытекают, а которое из двух имеет место, и настаивает на выяснении того, как он может отличить одно от другого, то он делает светящийся движущийся объект просто отправной точкой для научного исследования. Делая это, он должен приписать ему гипотетически разные ценности, для которых у него еще нет достаточной объективной обоснованности. Он знает, что это больше чем светящийся движущийся объект, но не уверен ни в том, что это нечто его обжегшее, ни в том, что это возможная игрушка. Если бы он смог обратить на него свое внимание, то ему пришлось бы сказать, что на данный момент это всего лишь его собственный опыт, ограниченный его сознанием, который репрезентирует опыты, объективно достоверные в прошлом, и возможный будущий объект.

Одним словом, результатом сознательных попыток решить необходимую проблему является превращение собственного мира, насколько на него воздействует проблема, в психический, и техникой решения является психология. Хочу подчеркнуть, что это сознание не становится психическим при простой абстракции, вытекающей из конфликта реакций. Светящийся движущийся объект объективен. И вполне представимо, что анализ на этом остановится и дальше не пойдет. Только тогда, когда ребенок отказывается принять абстракцию и настаивает на том, чтобы его тенденции к действию не сдерживались, но имели больше простора для выражения, приходящего с новым объектом, опыт с необходимостью становится психическим.

Таким образом, он становится психическим потому, что тенденции к действию утверждают себя, пытаясь друг к другу приспособиться. Этот процесс как раз и попадает в фазу внимания. Есть неуверенное движение пальца в сторону пламени, представляющее обе тенденции — тенденцию схватить и тенденцию отдернуть, — но это больше, чем то или другое. Здесь кроется допущение, что руку можно использовать для обращения с горячими объектами, а не просто для того, чтобы отстраниться от них. Это гипотеза, проверяемая со страхом и дрожью.

Сюда входят оба элемента — готовность отстраниться от опасности и готовность манипулировать отдаленным объектом, обнаруженным глазом, — реагирующие друг на друга так, что в итоге создается действие обращения с объектом совершенно новым способом, и тем самым для ребенка создается новый объект. Здесь обнаруживаются характеристики внимания — не просто растворение в светящемся движущемся объекте, а контроль разных реакций на него друг другом (см. прим. 3) в производстве нового типа деятельности, включающего обе реакции. Во внимании мы видим не только концентрацию, но и то, что эта концентрация подразумевает, — контроль, а контроль может существовать только там, где есть нечто определенное, что нужно сделать, сознательно включенное в целостное делание этого. Это происходит не через утверждение о том, каким должно быть конечное значение акта. Ребенок не может сказать самому себе: «Я должен научиться обращаться с горячим светящимся объектом». Ведь для него в его опыте горячих объектов, будь то светящихся или нет, не было элемента обращения с ними. Горячий объект был объектом, от которого он держался подальше. А в его манипулировании игрушками не было ничего, чего следовало избегать.

Две деятельности здесь совершенно различны, как, следовательно, и их объекты. Контроль заключен в том факте, что обе реакции возбуждаются в одно и то же

время и должны каким-то образом обе достичь выражения. Старый мир содержал объекты, которых нужно сторониться, и объекты, которыми нужно манипулировать в игре; новый мир должен содержать объекты, которыми надо манипулировать так, чтобы ребенок оберегался от связанных с ними опасностей. То, каким именно будет этот объект, зависит от результата исследования. Он не может, следовательно, служить средством контроля. Лишь необходимость доведения обеих тенденций до выражения в их взаимодействии друг с другом может осуществлять и осуществляет такой контроль.

В этой статье, разумеется, нет места для должного анализа внимания. Хочу лишь заметить, что в процессах внимания, возникающих в этих проблематичных точках опыта, контроль, являющийся существенной частью внимания, не может быть обнаружен в мире объективной достоверности — ибо, так сказать, старое уже отброшено, а нового еще не существует, — но обнаруживается в связи друг с другом разных тенденций к действию, которые были резко оторваны от старых объектов и могут получить выражение лишь посредством нового объекта. И содержание опыта, и процесс, благодаря которому возникает новое, с необходимостью субъективны.

Мы отождествили формирование гипотезы с психическим состоянием. Здесь необходимо провести различие между психическим состоянием, как оно действительно проявляется в присутствии проблем, и его призраком, с которым мы сталкиваемся в учебниках психологии. В экспериментальной психологии, например, мы обычно имеем дело с состояниями сознания, не кажущимися нам ни в малейшей степени психическими. Что действительно имеет место, так это узнавание вещей, объективную реальность которых мы не оспариваем и которые у нас нет мотива устанавливать в терминах нашего собственного сознания, в отличие от сознания кого-то еще, или в терминах состояния сознания, отличного от любого другого, имевшего место раньше.

Специфика психического состояния в том, что оно в нашей жизни абсолютно *sui generis*. В нем есть элементы непосредственного настоящего, отделяющие его от всего, что прошло раньше или придет позже. От всех этих частных мы в объективном знании с необходимостью абстрагируемся. Но когда это объективное знание дает сбой и мы вынуждены корректировать и наощупь искать путь к чему-то новому, мы живо обнаруживаем специфические черты непосредственного опыта и оказываемся в присутствии психического — как чего-то относящегося к индивиду и особому моменту в его жизни, полностью отличному от любого другого момента, настоящего или прошлого.

Очевидно, что в психологическом эксперименте мы имеем дело с тем, что, как правило, совершенно объективно. Только путем умозаключения мы можем перейти от этого к психическому, и такое умозаключение слишком часто оказывается покоящимся на эпистемологической основе, неотличимой от той, которую мы находим у Юма или Беркли, а именно на том, что весь опыт можно свести к состояниям индивидуального сознания, в чьей форме мы можем опознать их высшую достоверность. Но поступить так — значит объективировать психическое состояние и лишить его тех самых элементов, которые сделали его психическим.

Признаки психического состояния не таковы, что их можно было бы универсализировать и образовать понятие, в предполагаемом здесь смысле. Их особое содержание сопротивляется всякой подобной генерализации. Что можно генерализиро-

вать, так это их положение в акте, «когда» и «как» их проявления. На что мы обычно ссылаемся, говоря о психических состояниях, так это на элементы объектов, просто абстрагированные от самих объектов. Я говорю о цвете «красный» и, делая это, имею в виду нечто такое, что я абстрагировал от некоторых красных объектов. Чтобы получить конкретное его изображение, я вызываю в уме зрительную картину объекта — если, конечно, не смотрю на сам объект.

В любом случае сам объект известен как объективный; ведь даже воображаемая картина объективна, поскольку имеет отношение к элементам объективного мира, который не ставится под вопрос, как бы фантастически он ни был собран. Что очаровывает, так это наличие подобной картины среди такого несомненного мира. Красный цвет заката, не виденный никогда ни на море, ни на суше, не является с необходимостью психическим, но это красный цвет, наполненный эмоциональной ценностью, абсолютно погруженной во внешний мир.

Наш мир — в лучшем случае мир сознания, и сколько бы ни раскладывали его на элементы, это не приведет к психическому состоянию, пока нет в наличии условий, из которых возникает психическое. Элементы сознания как таковые — не элементы психического характера. И это не элементы, которые можно с определенностью связать с особыми нервными явлениями индивидуальных психических состояний. Не идентификация с индивидом делает состояние психическим, а признание его им как собственного, его внимание к тем особенностям, которые отделяют это состояние не только от сознания кого бы то ни было еще, но и от любого другого состояния его собственной жизни.

Теория параллелизма постулирует присутствующего в опыте индивида, сопоставляет мир, как он его видит, с миром, который наша наука полагает свободным от всяких индивидуальных ошибок, и пытается сочетать эти два ряда. Не отрицается, что опыт индивида по своему характеру совершенно объективен. Мы просто сравниваем объект его восприятия с объектом, который открывают методы точного измерения ученого. Я вижу красный дом, и он для меня есть объект реального мира, ни в каком смысле не психический. Ученый измеряет представленные в этой красноте колебания света и показывает, что между краснотой в восприятии и краснотой определенных колебаний лежит пропасть. Он может назвать одну психической, а другую — объективной. Но его наблюдения объективны не больше, чем начальная перцепция красного дома. Он встал на сторону своего опыта, более надежную, чем другая, и показал, что эти две стороны состоят в определенной связи друг с другом, хотя и невозможно проследить эту связь до конца. То, что одну установку можно связать с его нервными состояниями или, по крайней мере, присущие ей ошибки полнее устанавливаются в одних нервных условиях, а не в других, не проливает свет на суть дела. Инженер, оценивающий с одного взгляда высоту холма над уровнем моря, а затем сверяющий свое суждение с замерах нивелировщика, не входит в различие между психическим и физическим миром. Он сравнивает два элемента своего сознательно-го мира и отбирает тот, который опыт показал более надежным.

Параллелизм — чистая эпистемология, он не проникает в сферу психического. Различие между непосредственным содержанием мира восприятия и физической теорией этих восприятий не имеет отношения к тому различию, которое пролегает между миром неоспоримой достоверности и состоянием сознания, возникающим тогда, когда он утрачивает эту достоверность и не остается ничего кроме субъективности,

из которой может вырасти новый мир. По-видимому, это указывает на то, что в реальности есть две задачи, за которые взялась психология: одна — это задача анализа объективного мира в терминах сознания объективного индивида (предполагаемая в гегелевской «Феноменологии духа»), другая — анализ ситуации, в которой возникает субъективное сознание, и процесса, посредством которого оно продвигается к образованию новой универсалии. К первому классу относится едва ли не вся психологическая работа, которая до сих пор делалась. В сущности, она не отличается в своей цели от работы, предпринятой Кантом, будучи изучением строения опыта, с необходимостью находимого в сознании объективного индивида. Другой тип представлен в главе Джеймса о Потоке Сознания и в части его работ, сосредоточенных в особенности на процессе внимания.

Типичную ситуацию мы находим в установке индуктивного ученого, столкнувшегося с наличием проблемы. Конфликт заданных понятий привел к уже описанной абстракции, в которой то, что кроется за этим конфликтом, выходит наружу как факт наблюдения. Можно еще раз сослаться на пример с эфиром: фактом наблюдения здесь являются актуально данные движения небесных тел, с признаками замедления или обратного, и передача энергии колебания. Психическая фаза появляется тогда, когда ученый пытается сознательно решить проблему. Это предполагает, прежде всего, гибкость движения, благодаря которой он приводит все свои актуальные реакции в связь друг с другом. Эта свобода движения, в которой все деятельности и тенденции к деятельности, ограниченные до сих пор определенной теорией, входят в свободную игру и без сопротивления перетекают друг в друга, есть, как мне кажется, самая суть субъективности. То тут, то там происходит группирование. Вернемся к нашему примеру. Процессы точного определения энергии очищаются от понятий материи, трактующих ее в терминах молекул и атомов. Взгляду ученого предстают только множественные детерминации. Энергии массы, колебания и т.д. представлены только измерениями, которые он пытается произвести. И способ, которым они будут сведены воедино, не зависит ни от какого объективного закона.

Единственный контроль заключен в необходимости свести их воедино. Только после того как все они будут гармонизированы, группирование может приобрести объективную ценность. Пока же человек зависит от спонтанности собственных импульсов — от гения догадливости, о котором говорит Уэвелл. Это может привести к выставлению наших процессов измерения как существенного элемента, вокруг которого будут собираться касающиеся энергии факты. Поскольку физической науке приходилось устанавливать не движение в терминах тела, а тело в терминах движения, то мы можем обнаружить конечные движения, в которых тела будут определяться в наших собственных реакциях, которые мы опознаем как дающие содержание объективному миру. Момент, который я бы хотел пояснить, состоит в том, что здесь у нас эти различные движения свободны от любых объективно определенных тел, и мы вольны организовать их как угодно, лишь бы были включены они все. Еще одну иллюстрацию можно найти в установке изобретателя, который, сталкиваясь с какой-то проблемой, отдается на милость конструктивной способности, пропорциональной той свободе, с которой силы, абстрагированные от их обычных объектов, могут быть скомбинированы друг с другом в новое успешное целое. К тому, что мы называем гением, способность субъективности подходит ближе чего бы то ни было.

Техника названного процесса, насколько она выходит за пределы этой совершенной свободы, заключена во внимании, иными словами, в контроле, возникающем за счет взаимной игры разных деятельностей. Человек должен чувствовать в том, что он делает, не только непосредственное действие, но и все другие, которые при этом предполагаются. Если взять случай ребенка, то он, чтобы избежать ожога, должен хватать. Я имею в виду так называемое произвольное внимание. При произвольном внимании мы имеем попросту процесс, уже ставший привычкой и объективированный.

Наверное, самый простой пример можно найти во взаимном контроле дистанционного чувства и контактного чувства в простейшем разумном акте. Здесь фиксация взгляда и его направленность непрерывно определяются процессом передвижения и процессом манипуляции, а манипулятивные и локомотивные процессы столь же очевидно контролируются зрительным процессом. Здесь, как и в случае с ребенком, мы не доходим до сознания того, что мы делаем, до рефлексивного сознания. Это утверждение, помимо прочего, воздает должное современной психологической точке зрения, что стимул, каким психология его изучает, не вызывает деятельность, а служит искомой оказией для деятельностей, требующих выражения.

В этой спонтанности и контроле заключены сущностные черты воли, и когда мы выходим за пределы научного исследования, к поведению в целом, мы вступаем в область этики. Чисто метафизическая этика отбросила бы нас к продвижению старых универсалий, с аскетическим требованием, чтобы мы игнорировали или подавляли всякие тенденции к действию, которые под них, в соответствии с дедуктивной логикой, не подпадают. Поскольку в этой ситуации мы признаем достоверность только одного множества импульсов и ставим его во враждебную противоположность другому, то нам не уйти от доктрины, что действие будет определяться сравнительной силой этих двух фракций (детерминизма), пока мы не постулируем волю, не представленную ни в одном из этих импульсов к действию (недетерминированную волю).

В противовес этим позициям становится возможно, с описанной выше точки зрения, определить свободу через идентификацию Я как целого с проблемой и ее решением. Силы не враждебны друг другу, если цель — представить все тенденции к действию в финальном акте. С одной тенденцией или каким-то одним набором тенденций Я идентифицируется не больше, чем с другими, и проблема опознается не как возникающая просто из несовершенства Я, а как проистекающая из сущностной неадекватности мира целей, представленного в знании. Это конфликт не между хорошими и плохими элементами в нашей природе, а между ценностями и импульсами, которые они, встречаясь на началах абсолютного равенства, представляют. В требовании, чтобы все эти ценности и импульсы были признаны, заключена обязательность.

Связующая природа обязывания обнаруживается в необходимости действия и в идущем от целостного Я требовании представленности в действии; последствия же неудовлетворения этого обязательства явлены в жертвовании некоторыми частями Я, несущем с собой напряжение и чувство потери, характерное для аморальной установки. Идеал можно выявить не в старой универсалии и не в попытке очертить то, какой должна быть будущая ситуация (ведь сделать это заранее, до решения проблемы, совершенно невозможно), а в методе работы с проблемой, в установлении всего, что должно быть признано в ее искомом решении, — так идеал ученого обнаруживается в завершенной формулировке различных условий, которые должны быть при-

знаны и приняты во внимание в любой возможной гипотезе. В конце концов, мотив, в отличие от простого импульса, обнаруживается в тенденции к действию тогда, когда приводится в осознанную связь с другими противоборствующими тенденциями, стремясь оценить себя в противовес всему.

Поскольку решение возникает из какой-то непредсказуемой догадки, поступающей изнутри, то спонтанность индивида остается не подлежащей сомнению. Так называемая нравственная борьба обнаруживается в идентификации Я с одним множеством тенденций за счет исключения других. Я не хочу этим сказать, что Я есть нечто такое, что стоит в стороне от тенденций поведения; речь идет о том, что оно возникает через организацию этих тенденций или импульсов. Такая организация, будучи односторонней и оставляя части природы непредставленными, естественным образом влечет за собой непрерывный конфликт, становящийся при этом хроническим и деструктивным, вместо того чтобы быть моментом в процессе естественного развития.

Нравственная борьба всегда предполагает, что такая организация в каком-то смысле завершена, или, лучше сказать, что принятая рабочая гипотеза или линия поведения ощущается неадекватной. Эта борьба заключена не в процессе формирования гипотезы, а в трении, возникающем при действовании на ее основе. Если поступок в каком-то смысле необратим, то остается чувство потери — в так называемом эмоциональном состоянии раскаяния. Естественная тенденция, однако, направлена вперед, на пересмотр принятой линии поведения. Воздаяние требуется только с детерминистской точки зрения. Ведь в этом случае есть враждебная сила, которая, так сказать, должна быть устранена.

В таком конфликте, даже если он не доводится до ясного осознания и независимо от того, становится ли его результатом просто опознание старой универсалии или сознательная организация нового мира через психическую фазу, чувственные объекты — соответствующие фактам научного наблюдения — принимают новую форму, или значение. Они суть стимулы, или поводы к деятельности, временно абстрагированные от нее самим конфликтом. Но они обозначают эти деятельности, служат хранилищами их значения и ценности. В научном наблюдении они являются всего лишь условиями для образования новой универсалии, и мы упускаем из виду самостоятельную ценность этих объектов. Но там, где достичь новой универсалии не удастся и приходится оставаться с элементами проблемы и выражать свое улавливание того, что еще не достигнуто через формулировку этих объектов, они вновь обретают эту репрезентативную ценность.

Эта репрезентативная ценность объекта, возникающая из конфликта, кажется мне эстетической. Термин «конфликт», возможно, покажется во многом расходящимся со многими особенностями эстетического сознания, но следует обратить внимание на то, что в попытке решения враждебность исчезает; ведь внешнее действие здесь остановилось, и возобладало состояние покоя, отсутствия предвзятости и озлобленности. Мы должны также помнить, что нет никакой необходимости в том, чтобы конфликт принял научную форму. Единственным элементом, становящимся выше сознания, может быть новая ценность объекта. Это будет зависеть от природы индивида. Художник задает условия для решения своих проблем в терминах чувственных объектов опыта.

Решение может быть достигнуто — если полагать, что оно достигнуто, — более или менее неосознанно. К тому же есть проблемы, которые, подобно бедности, все-

гда с нами: например, между механическими и телеологическими утверждениями о мире и его физических объектах. Отсюда вырастают декоративное искусство и вся художественная репрезентация природы. В утилитарном контроле над миром мы теряем из виду цель этого контроля. Мы не видим за деревьями леса. Есть и другие проблемы, связанные с примитивными импульсами любви и соперничества, которые всегда с нами; и, наконец, великие нравственные проблемы никогда не теряют своей вечной тождественности, при каком бы состоянии общества они ни проявлялись. Религиозное сознание есть преимущественно такое сознание, которое признает в жизни основополагающую проблему, упорно держась за реальность великих репрезентативных объектов поведения, абстрагированных и выставленных перед нами конфликтом.

Религиозный объект позволительно по сути определить как объект, который, превосходя в силу своей универсальности конкретные ситуации жизни, всё же ощущается представляющим ее значение и ценность. Здесь содержится указание на еще одну характеристику объекта, удерживаемого в абстракции от нерешенной проблемы. Поскольку он несет значение и ценность деятельности, которую он представляет в актуальном поведении, он вызывает в качестве эмоций чувства, сопутствующие такой деятельности. Предмет этот слишком сложен, чтобы мы могли здесь адекватно его обсудить. Я хотел бы лишь указать на то, что объект, выделяющийся посреди проблемы — не только как условие ее решения, но и как временный представитель значения и ценности акта, — будет естественно собирать вокруг себя эмоциональное содержание, которое в высшей степени характерно для эстетического и религиозного опыта.

Наконец, диалектику всего этого процесса сознательного анализа и реконструкции можно увидеть в целом и свести к технике или, по крайней мере, истолковать в том духе, что она стремится в итоге таковой стать. Эта наука — общая теория логики — занимается не постановкой проблемы (как это делает метафизика), не непосредственным применением абстрагированной универсалии (дедуктивная логика), не непосредственным формулированием гипотезы и ее верификацией (индуктивная логика), а всей явленностью объективного мира в рамках мышления и его обратным перетеканием в неанализируемую реальность. Следовательно, она имеет дело с суждением и с разными моментами в развитии суждения.

Примечания

1. Dewey J. The Reflex Arc Concept in Psychology // *Psychological review*. 1896. Vol. III. P. 357-370. Рус. пер.: Дьюи Дж. Понятие рефлекторной дуги в психологии // *Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов.* — М.: НИОН РАН, 2010. С. 70-84.
2. James W. Psychology. — N.Y.: Holt, 1890. Vol. II. P. 332.
3. Angell J.R., Moore A.W. Reaction-Time: A Study in Attention and Habit // *Contributions of the Philosophy Department of the University of Chicago*. Vol. I. P. 8.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 02.07.2014